

Информация для цитирования:

Магадеев И. Э. Стратегический коридор : Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы) / И. Э. Магадеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 489—506. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506.

Magadeev, I. E. (2025). Strategic Corridor: Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia in French Counter-Soviet Planning (1920–1923). *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 489-506. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Стратегический коридор: Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы)

Магадеев Искандэр Эдуардович

orcid.org/0000-0002-6521-2202

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и политики
стран Европы и Америки
iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Strategic Corridor: Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia in French Counter-Soviet Planning (1920–1923)

Iskander E. Magadeev

orcid.org/0000-0002-6521-2202

PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Politics
of Europe and America
iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена роли двух исторических областей — Восточной Галиции и Подкарпатской Руси — во французских планах противодействия Советскому государству в период с начала 1920 года по конец 1923 года. Новизна исследования видится в том, что указанные оценки рассмотрены не только в контексте двусторонних отношений Третьей Республики с теми государствами, на территории которых находились Восточная Галиция (Польша) и Подкарпатская Русь (Чехословакия), но и в более широком контексте французских представлений об архитектуре безопасности, в том числе отношений с Москвой. Актуальность исследования обусловлена повышенной военно-политической напряженностью в современной Восточной Европе. Источниками выступили опубликованные французские дипломатические и военные документы, материалы французских и российских архивов. Автор приходит к выводу о том, что в Париже придавали серьезное значение Восточной Галиции и Подкарпатской Руси как двум эшелонам антисоветского фронта. Показано, что французские власти осознавали уязвимость данных территорий и их возможное превращение в стратегический коридор для наступления Рабоче-крестьянской Красной армии на Запад. Вместе с тем подчеркивается, что французские расчеты нередко расходились с реальным положением дел на местах, что ослабляло прочность «санитарного кордона».

Ключевые слова:

Франция; Польша; Чехословакия; Восточная Галиция; Подкарпатская Русь; национальные меньшинства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role of two historical regions — Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia — in French counter-Soviet strategies from early 1920 to late 1923. The novelty lies in considering these territories not only within the framework of bilateral relations between France and states where they were located (Poland for Eastern Galicia and Czechoslovakia for Subcarpathian Ruthenia), but also within a broader context of French conceptions about security architecture, including their relationship with Moscow. The relevance of this study is underscored by current heightened military-political tensions in contemporary Eastern Europe. Based on published French diplomatic and military documents as well as archival materials from both French and Russian repositories, the author concludes that Paris attached significant importance to Eastern Galicia and Subcarpathian Ruthenia as two echelons of an anti-Soviet frontline. It is demonstrated that French authorities recognized the vulnerability of these areas and their potential transformation into a strategic corridor for advancements by the Workers' and Peasants' Red Army towards Western Europe. However, it is emphasized that French calculations often diverged from local realities, thereby weakening the robustness of the so-called “sanitary cordon.”

Key words:

France; Poland; Czechoslovakia; Eastern Galicia; Subcarpathian Ruthenia; national minorities

УДК 94(477.83/.87)“1920/1923”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-489-506

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Стратегический коридор: Восточная Галиция и Подкарпатская Русь во французских планах противодействия Советскому государству (1920—1923 годы)

© Магадеев И. Э., 2025

1. Введение = Introduction

На протяжении истории Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ) нередко являлась объектом борьбы между ведущими державами континента — прежде всего между Россией и Германией (в их различных исторических ипостасях). Имея в виду «волны» подобной конкуренции, французский географ Ж. Готтманн отнес субрегион к «приливно-отливным землям» Европы [Gottmann, 1962, p. 379].

Первая мировая война и «малые войны» 1918—1921 годов [Матвеев, 2015] стали одной из вех в истории геополитической борьбы за доминирование в ЦВЕ. По их итогам политическая и стратегическая карта субрегиона подвергалась кардинальным изменениям, если сравнивать ситуацию с той, что существовала до 1914 года. Эти изменения, наложившиеся на национальную «чересполосицу», наряду с целым рядом иных факторов, в том числе возникновением Советского государства, привели к серьезно-му усложнению военно-политической ситуации в ЦВЕ.

Одним из стратегических «перекрестков» новой геополитической карты субрегиона стали граничившие друг с другом исторические области — Восточная Галиция и Подкарпатская Русь (Рутения). Первая из них, охватывающая современные Ивано-Франковскую, Львовскую и Тернопольскую области Украины, стала после 1918 года объектом ожесточенной борьбы между польскими, украинскими и советскими войсками. Согласно решению, принятому Верховным советом Антанты 21 ноября 1919 года, Восточная Галиция была передана Польше в качестве мандата под контролем Лиги Наций сроком на 25 лет [Wandycz, 1962, p. 117]. Подкарпатская Русь, охватывающая прежде всего современную Закарпатскую область Украины согласно Сен-Жерменскому мирному договору от 10 сентября 1919 года (ст. 53) вошла в состав Чехословацкой республики (ЧСР) на правах автономной области [Чехословакия ..., 2020, с. 96—114].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявить роль и значение Восточной Галиции и Подкарпатской Руси во французских планах противодействия Советскому государству в период с начала 1920 года по конец 1923 года. На данный хронологический отрезок пришелся целый ряд судьбоносных событий, серьезным образом повлиявших на развитие ЦВЕ в межвоенное время. Прежде всего, речь шла о советско-польской войне 1919—1921 годов, завершившейся Рижским мирным договором, который определил базовые параметры стратегической ситуации на Востоке Европы вплоть до 1938—1939 годов.

Ратификация Версальского мирного договора в январе 1920 года была выбрана автором в качестве нижней хронологической границы. Ратификация как шаг, призванный утвердить Версальский порядок, на деле оказалась одним из начальных пунктов, а не завершением процесса послевоенной стабилизации. Декабрь 1923 года, связанный с окончанием наиболее острой фазы Рурского кризиса в Германии (спровоцирован вводом франко-бельгийских войск в январе того же года), а также с крахом надежд Москвы на скорую Немецкую революцию, ознаменовал начало более зримой, пусть и частичной стабилизации международно-политической ситуации в Старом Свете. Это обстоятельство определило выбор декабря 1923 года в качестве верхней хронологической границы.

Статья основана на корпусе опубликованных и архивных дипломатических и военных документов. В нем можно выделить четыре основных компонента.

Первый — опубликованные французские дипломатические документы за 1920—1923 годы [DDF, 1997—2013]. Они освещают основные направления деятельности МИД Третьей Республики. Отнюдь не все из этих документов введены в научный оборот отечественной историографии, что стимулирует к дальнейшей разработке данного корпуса источников.

Второй компонент — опубликованные военные документы Франции. Прежде всего, речь идет о материалах французской военной миссии в ЧСР [ММФ, 2009], а также о дневнике начальника Генштаба французской армии, генерала Э. Бюа (занимал пост в 1920—1923 годах) [Journal ..., 2015].

Документы французской военной миссии имеют для статьи повышенную ценность. Последняя обусловлена не только тем, что ЧСР была одним из «стратегических узлов» всей послевоенной Европы, но и тем обстоятельством, что французская военная миссия в стране занимала уникальное положение. В 1919—1925 годах французские генералы (сначала — М. Пелле, затем — Э. Миттельхаузер) не только возглавляли указанную миссию, но также занимали пост начальника Генштаба чехословацкой ар-

мии [Marès, 1983]. Оценки французской военной миссии в значительной степени определяли военное планирование ЧСР.

Третий компонент источниковой базы — материалы Архива Министерства Европы и иностранных дел Франции. Были использованы документы из личного фонда президента Третьей Республики А. Мильерана (занимал пост в 1920—1924 годах) [АМАЕ. 118 РААР. Vol. 67].

Наконец, четвертый компонент — материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Были привлечены отдельные документы из фонда эмигрантской организации во главе с Б. В. Савинковым «Народный союз защиты Родины и свободы», существовавшей в 1921—1924 годах с центром в Варшаве [ГАРФ, ф. Р-5872, оп. 2, д. 15].

Новизну статьи, помимо корпуса источников, определяет исследовательский подход — стремление автора раскрыть место Восточной Галиции и Подкарпатской Руси на стратегической карте ЦВЕ в начале 1920-х годов.

При изучении международной истории указанных областей в первые годы после окончания Первой мировой войны зарубежными исследователями приоритетное внимание уделялось следующим сюжетам: перипетии дипломатической борьбы на Парижской мирной конференции [Elcock, 1969; Orzell, 1980]; ход военных конфликтов на местах и их роль в оформлении межгосударственных границ [Švorc, 2003; V medzivojnovom Československu ..., 2012]; фактор галицийской нефти и конкуренция за контроль над ней [Frank, 2005]. Для работ ряда польских авторов были характерны стремление оправдать притязания Польши на Восточную Галицию [Skrzypek, 1948] и попытка доказать, что западные державы (прежде всего — Великобритания) проводили политику «умиротворения» Советской России [Nowak, 2023]. Внимание также уделялось дискуссиям по вопросам о национальных меньшинствах (в том числе о подкарпатских русинах) в рамках Лиги Наций [Дегтярев и др., 2020].

Французская внешняя политика в ЦВЕ преимущественно изучалась на уровне межгосударственных отношений [Wandycz, 1962; Davion, 2009; Dessberg, 2009]. Такой вполне легитимный подход все же несколько затенял региональный и трансграничный аспекты восприятия дипломатами и военными Третьей Республики роли отдельных исторических областей. Важное исключение в этом смысле — небольшая глава, написанная французской исследовательницей И. Давьон и посвященная ситуации в Подкарпатской Руси в условиях советско-польской войны [Davion, 2010].

Международная история Восточной Галиции и Подкарпатской Руси была исследована в зарубежной историографии более детальным образом, чем в отечественной. Советские и российские историки-слависты, как правило, изучали процессы внутривосточного и социально-экономического

развития указанных исторических областей в составе Польши и ЧСР, обращая особое внимание на проблему межнациональных отношений и территориального размежевания [Савченко, 2005; Пушкаш, 2006; Федевич, 2008]. Международные аспекты истории рассматривались преимущественно в контексте внешнеполитических курсов Польши, ЧСР, Венгрии и Советского государства, но не ведущих держав Запада [Зубачевский, 2014; Морозов, 2023]. Вопрос о французском присутствии в ЦВЕ и о его влиянии на развитие региональных государств, как правило, оставался в тени или был освещен очень кратко. Данный вопрос стали более детально исследовать в российской историографии лишь в последнее время [Враг ..., 2021, с. 7—205].

Повышенная военно-политическая напряженность в современной Восточной Европе определяет актуальность статьи и усиливает интерес к изучению места и роли «стратегических перекрестков» данного субрегиона в прошлом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Французские оценки роли Восточной Галиции и Подкарпатской Руси на новой стратегической карте ЦВЕ были концептуальной частью политики «санитарного кордона» (выстраивание антибольшевистского пояса стран на западных рубежах Советского государства) и политики «тыловых союзов» (выстраивание антигерманского пояса государств на Востоке, то есть в «тылу» Германии) [Hovi, 1984].

Система «тыловых союзов» и «санитарного кордона» мыслилась французскими дипломатами как максимально широкая по своему охвату, но фактически в первой половине 1920-х годов она состояла из следующих основных компонентов: франко-польский «альянс» 1921 года (слово «альянс» взято в кавычки «в связи с половинчатостью обязательств Франции») [Враг ..., 2021, с. 88], Малая Антанта (блок ЧСР, Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также Румынии, оформленный в 1920—1921 годах), польско-румынский альянс 1921 года, франко-чехословацкий «альянс» 1924 года.

3.1. Коридор для прорыва Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в Центральную Европу

В 1920—1923 годах, несмотря на определенные нюансы в оценках, Советское государство воспринималось в Париже прежде всего как потенциальный противник. Если исходить из этой логики, то сами географические реалии заставляли французских военных и дипломатов обращать внимание на возможный прорыв РККА в Центральную Европу именно через Восточную Галицию. В самом узком месте расстояние от советской границы до ЧСР составляло около 110 км — от Каменец-Подольска в составе

Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) (ныне — г. Каменец-Подольский) до восточных окраин Подкарпатской Руси, к югу от которой находилась враждебная ЧСР Венгрия. Притязания последней на территорию Подкарпатской Руси и Словакии рассматривались французскими военными как априорные [MMF, 2009, p. 10].

О том, что контроль над Карпатами обеспечивает «быстрый доступ к венгерской равнине», Бюа размышлял уже в годы Первой мировой войны, когда Россия была не противником, а союзником Франции [Journal ..., 2015, p. 92]. Эта базовая логика была характерна для французских военных и после 1918 года. В январе 1921 года члены французской военной миссии в ЧСР разрабатывали сценарий возможного советского наступления весной того же года через Галицию, которое «затронет территорию нескольких государств: сначала — Польши и Румынии, затем — Чехословакии и Венгрии. Это уязвимая точка», — подчеркивал автор документа, французский полковник А. Розе, занимавший пост главы 3-го (Оперативного) бюро Генштаба чехословацкой армии [MMF, 2009, p. 77].

В записке от 14 января 1921 года генерал М. Вейган — ближайший помощник одного из наиболее влиятельных французских военных этого периода, председателя Союзного военного совета в Версале маршала Ф. Фоша — отметил, что в случае прорыва польско-румынского фронта именно Подкарпатская Русь и «венгерская равнина» стали бы дальнейшими направлениями для наступления РККА [DDF, 2002, p. 623, note 1]. Аналогичный сценарий 10 февраля 1921 года, во время встречи с министром иностранных дел Польши Е. Сапегой, описал генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело [DDF, 2004, p. 161].

Во французской военной миссии в Чехословакии Львов рассматривали как место сосредоточения ключевых железнодорожных коммуникаций и «путей для проникновения в Словакию и Подкарпатскую Русь» [MMF, 2009, p. 79]. В записке от 7 июля 1921 года, адресованной президенту ЧСР Т. Г. Масарику, Миттельхаузер подчеркнул необходимость расширить коммуникации на польско-румынском фронте в случае противостояния РККА. Из его размышлений также вытекало представление о ключевой роли Львова для цементировании антисоветского фронта.

Транслируя пожелания румынского командования, Миттельхаузер писал о необходимости продублировать имеющуюся железнодорожную линию, которую он считал очень уязвимой для удара со стороны РККА (Черновцы — Станислав (ныне — Ивано-Франковск) — Стрый — Львов), дополнительной линией (Коломыя — Мармарош-Сигет (ныне — Сигету-Мармацией) — Чоп — Львов) [DDF, 2005a, p. 26]. Розе рассматривал г. Чоп, через который проходила железная дорога Мукачево — Дебрецен,

как один из узловых пунктов в случае наступления РККА с севера (из района Мукачево — Ужгород — Прешов) на юг (в сторону венгерского города Шаторальяуйхей) [ММФ, 2009, р. 79].

Пик французских опасений, связанных с тем, что теоретические размышления о прорыве РККА через Восточную Галицию воплотятся в реальность, пришелся на лето 1920 года — время советских побед в войне против Польши. Примечательный документ того периода — план обороны ЧСР, подготовленный Розе 19 июля. Он был построен на гипотезе выхода РККА (после успехов в Восточной Галиции) к Карпатам. Однако, в отличие от приведенных выше разработок, Розе считал, что советские войска не будут далее прорываться на территорию ЧСР, а сделают ставку на подрыв внутренней ситуации в стране пропагандистскими и революционными методами. В связи с этим он рекомендовал сохранять режим диктатуры в Словакии и Подкарпатской Руси, установленный приказами французских генералов 5—6 июня 1919 года (был отменен лишь в начале 1922 года) [Чехословакия и Советская Россия, 2020, с. 117—118].

План Розе предполагал сосредоточиться на обороне трех основных путей проникновения в ЧСР: 1) дорога Воловец — Ужок — Лупков; 2) дорога на Прешов; 3) дорога на Ораву и Яблунков [ММФ, 2009, р. 46—49]. В позднейших недатированных разработках 3-го бюро Генштаба чехословацкой армии (лето 1921 года) были выделены четырех основных перевала в Карпатах, контроль над которыми открывал для РККА путь для дальнейшего продвижения: перевал Орлов (путь на Кошице), перевал Лупков (путь на Словенске-Нове-Место), перевал Ужок (путь на Ужгород и Чоп), Воловецкий перевал (путь на Мукачево) [ММФ, 2009, р. 118].

3.2. Два эшелона антисоветского фронта

Стратегическая ситуация на граничивших друг с другом территориях — в Восточной Галиции и Подкарпатской Руси — рассматривалась французскими военными и дипломатами как единая, состоящая из двух взаимосвязанных частей. Можно говорить о том, что представителями Третьей Республики указанные области воспринимались как два эшелона антисоветского фронта.

Как считали французские власти, польско-румынское взаимодействие было ключевым для недопущения прорыва РККА через Восточную Галицию. Однако, как подчеркивал посол Франции в Варшаве Г. де Панафье в донесении от 6 марта 1920 года, Варшава и Бухарест, заинтересованные в ослаблении Страны Советов, были вместе с тем разделены рядом противоречий. Среди прочего, согласно данным французского дипломата, в Бухаресте считали, что в случае войны основной удар РККА придется на северный (в направлении Литвы и Германии), а не на южный (через

Восточную Галицию) участок советско-польского пограничья [DDF, 1997, р. 319].

Такие расчеты подкрепляли желание румынских властей не ввязываться в войну из-за польских интересов, хотя у Бухареста имелись и собственные глубокие противоречия с Москвой (прежде всего — из-за аннексии Бессарабии Румынией, что не было признано советским правительством). Согласно данным, которые Пелле передал в МИД Франции 20 сентября 1920 года, премьер-министр Румынии, генерал (позднее — маршал) А. Авереску не желал иметь общей границы Румынии и Польши, которая возникла бы в случае передачи Восточной Галиции под польский суверенитет [DDF, 1999, р. 640].

Все же по итогам советско-польской войны и заключения военного альянса Польши и Румынии 3 марта 1921 года (предполагал совместные действия двух стран в случае войны против Советского государства) первый эшелон антисоветского фронта, как полагали в Париже, упрочился. С точки зрения французского посланника в Румынии Э. Дешнера, выраженной в донесении в Париж от 5 марта 1921 года, польско-румынский договор также предполагал поддержку Бухарестом польских претензий на Восточную Галицию и скорейшее закрепление ее за Второй Речью Посполитой в качестве части национальной территории, а не мандата Лиги Наций [DDF, 2004, р. 278].

Настойчивость польских властей, недовольных статусом Восточной Галиции как подмандатной территории, вызывала определенное раздражение в Париже [DDF, 2004, р. 72]. Тем не менее власти Третьей Республики поддерживали получение Польшей суверенитета над указанной территорией. Содействие правительства во главе с Р. Пуанкаре, особенно заинтересованного в польской поддержке в период Рурского кризиса, сыграло одну из определяющих ролей в решении Конференции послов ведущих стран Антанты, принятом 14 марта 1923 года. Согласно ему, территория Восточной Галиции намного раньше срока окончания предоставленного ранее мандата была включена в состав Польши [DDF, 2010, р. 273, 292]. Однако у этого решения было и «второе дно»: «... великие державы ограничились признанием свершившегося факта, не взяв на себя никакой ответственности за эти границы. Признание не могло рассматриваться как гарантии помощи Польше в случае войны против СССР» [Враг ..., 2021, с. 108]. В Париже продолжали считать, что ключевую роль в противодействии Советскому Союзу на Востоке Европы должны сыграть не западные державы, а региональные государства.

Помимо общих стратегических причин, нельзя не отметить и то, что внимание французских властей к Восточной Галиции было тесно связано

с интересами французских нефтяных компаний, стремящихся к контролю над имевшимися в регионе месторождениями нефти [DDF, 1999, p. 181, 576—577]. Потенциальная потеря этих ресурсов в случае успешного наступления РККА не только была по французским интересам, но и грозила тем, что эти ресурсы перейдут под советский контроль, укрепив тем самым военный потенциал Советского государства.

Именно Францию председатель Совета народных комиссаров УССР Х. Г. Раковский в феврале 1922 года рассматривал как главную покровительницу Польши, в том числе в вопросе присоединения к последней Восточной Галиции. Помимо политических факторов, советский деятель акцентировал такое обстоятельство, как масштабные французские инвестиции в Восточную Галицию: «... французский капитал вложил 68 % общей суммы, затраченной на восстановление дорог, нефтяной промышленности и вообще на воссоздание всего того, что было разрушено великой войной и тремя годами гражданской» [ГАРФ, ф. Р-5872, оп. 2, д. 15, л. 5—6].

Французские военные полагали, что территория Восточной Галиции прикрывала Подкарпатскую Русь, которая позиционировалась в качестве второго эшелона для противодействия РККА в случае ее прорыва на Запад [Враг ..., 2021, с. 29]. Как подчеркивал полковник Розе в январе 1921 года, «именно польские силы, действующие в районе Броды — Тернополь — Коломыя, обеспечивают защиту ЧСР от вторжения. Однако если эти силы отступят на Вислу, то граница по Карпатам останется полностью неприкрытой» [ММФ, 2009, p. 77].

В феврале 1921 года Миттельхаузер критиковал имевшиеся чехословацкие планы по мобилизации армии лишь в случае прорыва РККА (в ходе потенциальной войны против Польши и Румынии) к линии рек Западный Буг и Сан. Французский генерал считал такую мобилизацию армии (с ее последующим сосредоточением в районе Жилины и Кошице в Словакии с целью прикрыть «пути советского наступления на Вену и Будапешт») запоздалой. Он призывал начинать мобилизацию, «не дожидаясь прорыва польско-румынского фронта, а, напротив, с целью не допустить такой сценарий» [DDF, 2004, p. 188]. Розе исходил из того, что в случае войны чехословацкое командование должно как можно быстрее организовать «специальную службу разведки в Галиции, которая станет своего рода выдвинутым авангардом» армии [ММФ, 2009, p. 79].

Зона Подкарпатской Руси имела серьезное значение также для чехословацко-румынского взаимодействия на случай противодействия Венгрии. Об этом свидетельствовали уже ранние разработки французских военных на случай войны ЧСР против Венгрии, как, например, записка Пелле от 19 июля 1919 года [ММФ, 2009, p. 11]. Заключение чехословацко-румынско-

го соглашения о взаимопомощи 23 апреля 1921 года напрямую повлияло на изменение военных планов, которые строила французская военная миссия в ЧСР. Более ранний вариант оставления территории Подкарпатской Руси в случае войны ЧСР против Венгрии теперь рассматривался как неактуальный ввиду того, что Румыния могла оказать военную помощь и «парализовать венгерское наступление на словацком фронте» [ММФ, 2009, р. 110, 121].

3.3. Дополнительные факторы уязвимости Восточной Галиции и Подкарпатской Руси

Помимо географического фактора, восприятие рассматриваемых территорий в качестве уязвимых точек французскими военными и дипломатами усугублялось дополнительными обстоятельствами. Обратим внимание на два из них: во-первых, на роль Восточной Галиции и Подкарпатской Руси как «перекрестка» интересов различных региональных государств; во-вторых, на фактор национальных меньшинств.

Польско-чехословацкое приграничье являлось одной из «болевых зон» французской системы «тыловых союзов» в ЦВЕ [Davion, 2009]. Две страны, взаимодействие которых рассматривалось в Париже в 1920-е годы в качестве ключевого фактора для формирования потенциального Восточного фронта против Германии [DDF, 2004, р. 116—117, 188], были разделены целым рядом серьезных противоречий, прежде всего — территориального характера (по вопросам принадлежности приграничных Тешинской Силезии и Яворжины (Яворины)).

Усилия французской дипломатии, предпринимаемые в 1920-е годы по сближению Польши и Малой Антанты, не увенчались полноценным успехом. Польские власти, как свидетельствовала беседа посланника Польши в Париже М. Замойского с заместителем директора Управления политических и торговых дел МИД Франции Ж. Ларошем, состоявшаяся 13 марта 1923 года, рассчитывали на то, что взаимосвязь в сфере безопасности между Польшей, «прикрывавшей» ЧСР от РККА, стимулирует Прагу пойти на уступки Варшаве в вопросе принадлежности территорий близ спорной деревни Яворжина [DDF, 2010, р. 327]. Однако подобного «обмена» не произошло.

С декабря 1919 года во французской военной миссии в Праге всерьез разрабатывали варианты действий на случай войны ЧСР против Польши или даже против польско-венгерской коалиции (такое планирование было приостановлено лишь на фоне общей стабилизации в Европе в 1925 году) [ММФ, 2009, р. 23—34]. Дополнительная парадоксальность ситуации заключалась в том, что французская военная миссия имела в то время и в Польше. Потенциально, в случае польско-чехословацкой войны, французские офицеры могли оказаться по разные стороны фронта.

В октябре 1922 года Бюа с горечью фиксировал в дневнике сведения о том, что польский военный атташе в Праге не только занимается шпионажем, направленным против ЧСР, но и передает полученную информацию венграм — «злейшим врагам страны, в которой он аккредитован!» [Journal..., 2015, p. 1265]. Тогда же до Парижа доходили слухи, распространяемые польской дипломатией о том, что Прага выступала против передачи Восточной Галиции Польше и стремилась закрепить ее за ЧСР. Вариант образования общей советско-чехословацкой границы, который «отрежет поляков от румын», явно не устраивал французских военных [Journal..., 2015, p. 1265]. В июле 1923 года Бюа, основываясь на информации Миттельхаузера, продолжал исходить из того, что «чехи испытывают глубокое недоверие к своим северо-восточным соседям» [Journal ..., 2015, p. 1409]. Военные расчеты Парижа, предполагавшие тесное взаимодействие польской и чехословацкой армий, вступали в противоречие с политическими реалиями.

Французские военные уделяли повышенное внимание вопросам логистики на случай противостояния РККА. В этом аспекте противоречия между «союзниками» Франции вновь ослабляли систему «санитарного кордона».

Создание препятствий для железнодорожного сообщения друг с другом было характерно для политики польских и чехословацких властей уже в первые годы их послевоенных отношений. Правительство Польши затрудняло транспортное сообщение между Богемией и Тешинской Силезией в период военных столкновений между силами ЧСР и Венгрией летом 1919 года [MMF, 2009, p. 23]. Своего рода ответом чехословацких властей стало блокирование транзита через свою территорию военных грузов для Польши в конце июля — начале августа 1920 года, то есть во время судьбоносных боев польских сил против РККА под Варшавой [DDF, 1999, p. 357].

В январе–феврале 1921 года Вейган и МИД Франции исходили из того, что обеспечение транзита грузов через территорию ЧСР, а также поставки промышленной продукции будут основными формами содействия со стороны чехословацких властей Польше в случае советского или германского нападения на последнюю [DDF, 2002, p. 622]. Однако французские расчеты вновь разошлись с реальностью.

Приведем показательный пример. Новая железнодорожная линия, предложенная Миттельхаузером в июле 1921 года с целью укрепить польско-румынский фронт (о ней говорилось выше), проходила по территории ЧСР. Ее строительство требовало согласия Праги [DDF, 2005a, p. 26]. Однако чехословацкие власти отнюдь не спешили его давать. Как свидетельствовало совещание военных представителей стран Малой Антанты, состоявшееся в сентябре 1923 года в Праге, власти ЧСР выступили против использования

их железных дорог для потенциальной транспортировки польских войск в Румынию через территорию Подкарпатской Руси [DDF, 2013, р. 284]. Формальным поводом для такого отказа было наличие советско-чехословацкого торгового договора (подписан 5 июня 1922 года), который среди прочего предусматривал нейтралитет ЧСР в случае войны Советского государства с третьей стороной [Враг ..., 2021, с. 48]. На деле само наличие польских войск на территории ЧСР было неприемлемо для Праги.

Серьезное значение французские власти отводили и такому фактору, как национальные меньшинства.

В Париже осознавали, что жители Восточной Галиции (для обозначения их этнической принадлежности во французских документах использовался как термин «русины», так и «украинцы» [DDF, 2004, р. 119; DDF, 2005b, р. 382]) недовольны политикой польских властей в отношении национальных меньшинств. Это усиливало советское информационно-пропагандистское воздействие на последние. Национальная политика польских властей, не учитывавшая интересов местного населения, не вызывала симпатий и в самом французском правительстве [DDF. 2007, р. 569—570].

В марте 1922 года неназванный французский разведчик делился с главой Русской службы МИД Франции Ж. Гренаром соображениями о наличии внешнеполитической преемственности между интересами Российской империи и Советского государства. Он находил проявления такой преемственности и в позиции Москвы по вопросу Восточной Галиции: «... Советы не отказываются от нее. Выходцы из этих мест несут на Украине военную службу, будто бы они являются российскими гражданами. Польша протестовала, но Раковский и Чичерин (нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин. — *И. М.*) не приняли протест во внимание, поскольку он касался выходцев из территории, которая, с точки зрения международного права, была полностью независимой от Польши», являясь мандатом Лиги Наций [АМАЕ. 118 РААР. Vol. 67. Fol. 85].

Французские военные обращали повышенное внимание на внутреннюю ситуацию в Словакии и Подкарпатской Руси, которая рассматривалась (особенно во втором случае) как достаточно сложная для властей ЧСР. Население Подкарпатской Руси считалось настроенным русофильски; к тому же среди малоимущего крестьянства сильны были крайне левые настроения [Пушкаш, 2006, с. 94]. Все это усиливало опасение перед действенностью советской пропаганды [ММФ, 2009, р. 77].

В недатированной разработке Розе (весна 1921 года), посвященной варианту потенциальной войны ЧСР против Германии, предполагалось не перемещать на фронт четыре дивизии, дислоцированные в Словакии и Подкарпатской Руси, «где положение дел всегда отличается нестабильно-

стью» [ММФ, 2009, р. 59—60]. Показательно, что французские генералы стремились сохранить именно за собой контроль над «сложными командованиями в Словакии и Подкарпатской Руси» [ММФ, 2009, р. 127]. Эти должности в рассматриваемый период занимали соответственно генерал К. М. Спир и генерал М. К. Пари [ДДФ, 2005а, р. 28—29].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ французских военных и дипломатических оценок продемонстрировал, что, строя планы противодействия Советскому государству, в Париже придавали серьезное значение роли двух исторических областей — Восточной Галиции и Подкарпатской Руси. Их стратегическая роль, с точки зрения французских властей, определялась совокупностью географических, политических и социально-экономических обстоятельств: ролью возможного коридора для наступления РККА в Центральную Европу; сложностью координации военно-политических действий между Польшей и ЧСР; наличием месторождений нефти, а также национальных меньшинств, настроенных негативно к польским и чехословацким властям.

Правительства Третьей республики и ее представители на местах рассчитывали на то, что польско-румынский фронт в Восточной Галиции (первый эшелон противодействия РККА) будет поддержан чехословацкой армией в Подкарпатской Руси и поставками через территорию ЧСР (второй эшелон). На деле ситуация выглядела намного менее выигрышной для Парижа.

Через различные французские оценки проходило очевидное противоречие между тем, как военные и дипломаты Третьей Республики видели желаемую ими ситуацию по созданию прочного антисоветского фронта, с одной стороны, и реальным положением дел на местах — с другой. Как итог, Восточная Галиция и Подкарпатская Русь являлись уязвимыми точками «санитарного кордона», а сама конструкция оставалась весьма непрочной.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. AMAE — *Archives du Ministère des Affaires étrangères*.
2. DDF — *Documents diplomatiques français*. 1920—1923. 10 vols. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 1997—2013.
3. *Documents diplomatiques français* 1920. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 1997. — 717 p.— ISBN 978-2-1108-9141-9.

4. *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale, 1999. — Т. 2. — 688 p. — ISBN 978-2-1108-9149-5.
5. *Documents diplomatiques français*. 1921. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2004. — Т. 1. — 843 p. — ISBN 978-9-0520-1242-1.
6. *Documents diplomatiques français*. 1921. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2005a. — Т. 2. — 847 p. — ISBN 978-9-0520-1243-8.
7. *Documents diplomatiques français. Annexes (1920—1921)*. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2005b. — 963 p. — ISBN 978-9-0520-1290-2.
8. *Journal du général Buat, 1914—1923*. — Paris : Perrin, 2015. — 1400 p. — ISBN 978-2-2620-3839-7.
9. MMF — *Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919—1939*. Édition documentaire. — Praha : Ministerstvo obrany České republiky, 2009. — Vol. 4. — 385 p. — ISBN 978-8-0727-8509-4.
10. PAAP — *Papiers d'agents / Archives privées*.

Литература

1. *Враг, противник, союзник?* Россия во внешней политике Франции в 1917—1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2021. — Т. 2. — 892 с. — ISBN 978-5-907309-45-6.
2. Дегтярев С. И. Вопрос о подкарпатских русинах в документах Лиги Наций (1920—1933 гг.) / С. И. Дегтярев, Е. А. Самойленко // Русин. — 2020. — № 59. — С. 154—175. — DOI: 10.17223/18572685/59/9.
3. Зубачевский В. А. Восточная Галиция и Прикарпатская Русь в политике А. В. Колчака, А. И. Деникина и Ю. Пилсудского / В. А. Зубачевский // Первая мировая война и Европейский Север России / отв. ред. Т. И. Трошина. — Архангельск : Издательство САФУ, 2014. — С. 65—71. — ISBN 978-5-2610-0945-0.
4. Матвеев Г. Ф. «Малые» войны в Центрально-Восточной Европе в 1918—1921 годах / Г. Ф. Матвеев // Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2015. — Ч. 1. — С. 335—338. — ISBN 978-5-94067-437-5.
5. Морозов С. В. Тенденции польско-венгерского взаимодействия в отношении Подкарпатской Руси (1919—1938 гг.) / С. В. Морозов // Русин. — 2023. — № 74. — С. 236—256. — DOI: 10.17223/18572685/74/11.
6. Пушкаш А. И. Цивилизация и варварство : Закарпатье 1918—1945 / А. И. Пушкаш. — Москва : Европа, 2006. — 564 с. — ISBN 978-5-9739-0083-0.
7. Савченко В. Н. Восточная Галиция : проблемы национально-территориального и политического размежевания (1914—1923 гг.) / В. Н. Савченко. — Вопросы истории. — 2005. — № 9. — С. 95—107.
8. Федевич К. К. Особенности национального самосознания населения Восточной Галиции в 1920—1930-е годы / К. К. Федевич // Историки-слависты МГУ / отв. ред. Г. Ф. Матвеев. — Москва : Издательство МГУ, 2008. — Книга 7. — С. 319—340. — ISBN 978-5-7576-0238-7.
9. Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. — Москва : Институт славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-7576-0442-8.
10. Davion I. Mon voisin, cet ennemi : la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939 / I. Davion. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 472 p. — ISBN 978-9-0520-1496-8.

11. Davion I. La Ruthénie subcarpatique, caisse de résonances de la guerre polono-bolchevique (1919—1920) / I. Davion // La France face aux crises et aux conflits des périphéries européennes et atlantiques du XVIIe au XXe siècle / dir. É. Schnakenbourg, F. Dessberg. — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — Pp. 69—78. — ISBN 978-2-7535-0994-8.

12. Dessberg F. Le triangle impossible : les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935) / F. Dessberg. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 440 p. — ISBN 978-9-0520-1466-1.

13. Elcock H. J. Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921 / H. J. Elcock // Historical Journal. — 1969. — Vol. 12. — № 1. — Pp. 137—154.

14. Frank A. F. Oil Empire : Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2005. — 343 p. — ISBN 978-0-6740-2541-7.

15. Gottmann J. A Geography of Europe / J. Gottmann. — 3rd ed. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1962. — 788 p. — ISBN 978-0-0308-0815-9.

16. Hovi K. Alliance de Revers : Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919—1921 / K. Hovi. — Turku : Turun yliopisto, 1984. — 135 p. — ISBN 978-9-5164-2437-1.

17. Marès A. Mission militaire et relations internationales : l'exemple franco-tchécoslovaque, 1918—1925 / A. Marès // Revue d'histoire moderne et contemporaine. — 1983. — Vol. 30. — № 4. — Pp. 559—586.

18. Orzell L. J. A "Hotly Disputed" Issue : Eastern Galicia at the Paris Peace Conference, 1919 / L. J. Orzell // Polish Review. — 1980. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 49—68.

19. Nowak A. The Forgotten Appeasement of 1920 : Lloyd George, Lenin and Poland / A. Nowak. — London : Routledge, 2023. — 368 p. — ISBN 978-1-0324-3463-6.

20. Skrzypek S. The Problem of Eastern Galicia / S. Skrzypek. — London : Polish Association for the South-Eastern Provinces, 1948. — 94 p.

21. Švorc P. Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919—1939) / P. Švorc. — Prešov : Universum, 2003. — 422 s. — ISBN 978-8-0973-4554-9.

22. V medzivojnovom Československu 1918—1939 / red. B. Ferenčuhová, M. Zemko. — Bratislava : Veda, 2012. — 544 s. — ISBN 978-8-0224-1199-8.

23. Wandycz P. S. France and Her Eastern Allies, 1919—1925 : French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno / P. S. Wandycz. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1962. — 454 p. — ISBN 978-1-5974-0403-7.

Статья поступила в редакцию 27.07.2025,
одобрена после рецензирования 26.11.2025,
подготовлена к публикации 22.12.2025.

Material resources

AMAE — *Archives du Ministère des Affaires étrangères*. (In Franc.).

DDF — *Documents diplomatiques français. 1920—1923. 10 vols.* (1997—2013). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. (In Franc.).

Documents diplomatiques français 1920. (1997). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. 717 p. ISBN 978-2-1108-9141-9. (In Franc.).

Documents diplomatiques français. 1920, 2. (1999). Paris: Imprimerie nationale. 688 p. ISBN 978-2-1108-9149-5. (In Franc.).

- Documents diplomatiques français. 1921, 1.* (2004). Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. 843 p. ISBN 978-9-0520-1242-1. (In Franc.).
- Documents diplomatiques français. 1921, 2.* (2005a). Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. 847 p. ISBN 978-9-0520-1243-8. (In Franc.).
- Documents diplomatiques français. Annexes (1920—1921).* (2005b). Bruxelles: P. I. E.—Peter Lang. 963 p. ISBN 978-9-0520-1290-2. (In Franc.).
- Journal du général Buat, 1914—1923.* (2015). Paris: Perrin. 1400 p. ISBN 978-2-2620-3839-7. (In Franc.).
- MMF — *Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919—1939. Édition documentaire, 4.* (2009). Praha: Ministerstvo obrany České republiky. 385 p. ISBN 978-8-0727-8509-4. (In Franc.).
- PAAP — *Papiers d'agents / Archives privées.* (In Franc.).

References

- Davion, I. (2009). *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939.* Bruxelles: Peter Lang. 472 p. ISBN 978-9-0520-1496-8. (In Franc.).
- Davion, I. (2010). La Ruthénie subcarpatique, caisse de résonances de la guerre polono-bolchevique (1919—1920). In: *La France face aux crises et aux conflits des périphéries européennes et atlantiques du XVIIe au XXe siècle.* Rennes: Presses universitaires de Rennes. 69—78. ISBN 978-2-7535-0994-8. (In Franc.).
- Degtyarev, S. I., Samoylenko, E. A. (2020). The question of Subcarpathian Rusyns in the documents of the League of Nations (1920—1933). *Rusin*, 59: 154—175. DOI: 10.17223/18572685/59/9. (In Russ.).
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935).* Bruxelles: Peter Lang. 440 p. ISBN 978-9-0520-1466-1. (In Franc.).
- Elcock, H. J. (1969). Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921. *Historical Journal*, 12 (1): 137—154.
- Fedevich, K. K. (2008). Features of the national identity of the population of Eastern Galicia in the 1920s and 1930s. In: *Historians-Slavists of Moscow State University*, 7. Moscow: Moscow State University Publishing House. 319—340. ISBN 978-5-7576-0238-7. (In Russ.).
- Ferenčuhová, B., Zemko, M. (eds.). (2012). *V medzivojnovom Československu 1918—1939.* Bratislava: Veda. 544 s. ISBN 978-8-0224-1199-8. (In Slovak.).
- Frank, A. F. (2005). *Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 343 p. ISBN 978-0-6740-2541-7.
- Gottmann, J. (1962). *A Geography of Europe.* New York: Holt, Rinehart and Winston. 788 p. ISBN 978-0-0308-0815-9.
- Hovi, K. (1984). *Alliance de Revers: Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919—1921.* Turku: Turun yliopisto. 135 p. ISBN 978-9-5164-2437-1.
- Marès, A. (1983). Mission militaire et relations internationales: l'exemple franco-tchécoslovaque, 1918—1925. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 30 (4): 559—586. (In Franc.).
- Matveev, G. F. (2015). “Small” wars in Central and Eastern Europe in 1918—1921. In: *The First World War is the prologue of the twentieth century. Materials of the international scientific conference, 1.* Moscow: IVI RAS. 335—338. ISBN 978-5-94067-437-5. (In Russ.).

- Morozov, S. V. (2023). Trends in Polish-Hungarian cooperation in relation to Subcarpathian Rus (1919—1938). *Rusin*, 74: 236—256. DOI: 10.17223/18572685/74/11. (In Russ.).
- Nowak, A. (2023). *The Forgotten Appeasement of 1920: Lloyd George, Lenin and Poland*. London: Routledge. 368 p. ISBN 978-1-0324-3463-6.
- Orzell, L. J. (1980). A “Hotly Disputed” Issue: Eastern Galicia at the Paris Peace Conference, 1919. *Polish Review*, 25 (1): 49—68.
- Pavlov, A. Y. (ed.). (2021). *Enemy, opponent, ally? Russia in French Foreign Policy in 1917—1924*, 2. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 892 p. ISBN 978-5-907309-45-6. (In Russ.).
- Pushkash, A. I. (2006). *Civilization and barbarism: Transcarpathia 1918—1945*. Moscow: Europa Publ. 564 p. ISBN 978-5-9739-0083-0. (In Russ.).
- Savchenko, V. N. (2005). Eastern Galicia: problems of national-territorial and political demarcation (1914—1923). *Questions of history*, 9: 95—107. (In Russ.).
- Serapionov, E. P. (ed.). (2020). *Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences: POLY-MEDIA. 192 p. ISBN 978-5-7576-0442-8. (In Russ.).
- Skrzypek, S. (1948). *The Problem of Eastern Galicia*. London: Polish Association for the South-Eastern Provinces. 94 p.
- Švorc, P. (2003). *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919—1939)*. Prešov: Universum. 422 s. ISBN 978-8-0973-4554-9. (In Slovak.).
- Wandycz, P. S. (1962). *France and Her Eastern Allies, 1919—1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 454 p. ISBN 978-1-5974-0403-7.
- Zubachevsky, V. A. (2014). Eastern Galicia and Carpathian Rus in the politics of A. V. Kolchak, A. I. Denikin and Yu. Pilsudski. In: *The First World War and the European North of Russia*. Arkhangelsk: NArFU Publishing House. 65—71. ISBN 978-5-2610-0945-0. (In Russ.).

*The article was submitted 27.07.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.*